

Леонтьев Константин Николаевич

Восток, Россия и славянство

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Восток, Россия и славянство: Том 1 / Леонтьев Константин Николаевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 316 с.

ISBN 978-5-519-93175-5

ISBN 978-5-519-93175-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАНСЛАВИЗМЪ И ГРЕКИ.

(Русск. Вѣстн. 1873.)

I.

Ливарь, 1873, Царьградъ.

Я только что возвратился изъ путешествія по Македоніи.

Въ столицѣ всегда сильнѣе и всегда замѣтнѣе движеніе умовъ, хотя бы и по такому вопросу, котораго источники и основы въ провинціи.

Печальное ожесточеніе Грековъ и Болгаръ другъ противъ друга, сильное всюду, сильное, къ несчастію издавна, здѣсь, въ Царьградѣ, принимаетъ болѣе яркія краски. Сюда стекается все, и все отсюда исходитъ; здѣсь главные представители и вожди движенія; отсюда рассылаются инструкціи, открытыя или тайныя, по всемъ второстепеннымъ городамъ; здѣсь повѣрная государственная власть искусно колеблется между двумя христіанскими народами, которыхъ примирить можетъ только постепенно и одновременно либо общая усталость, либо какая-нибудь великая гроза неожиданныхъ политическихъ катастрофъ. Царьградскія газеты принимаютъ въ этой борьбѣ болѣе или менѣе горячее участіе. *Courrier d'Orient* защищаетъ Болгаръ; *Phare du Bosphore* потворствуетъ Грекамъ; въ первой газетѣ проглядываетъ желаніе расположить Славянъ къ чему-то вродѣ латинства или увѣрить ихъ въ симпатіяхъ галло-романскаго племени; во второй—какъ будто бы Германецъ внушаетъ Греку: „не бойся славянскаго варварства; я съ тобою!“ *Turquie*, которая считается официознымъ органомъ правительства, сдержанна и осмотрительна, какъ сама мѣстная власть...

Изъ всѣхъ провинцій, гдѣ Греки живутъ или только встрѣчаются съ Болгарами, приходитъ сюда извѣстія о непрерывной и пламенной борьбѣ; то Болгары оскорбляютъ Грековъ, собравшихся служить въ Русскія греческую особую обѣдную; то Греки въ газетахъ доносятъ на какіе-то болгарскіе замыслы противъ Турціи; то *Courrier d'Orient* стра-

II.

списавшись съ нимъ, позволяю себѣ печатать отдѣльно передовыя статьи, писанныя мною, и „смѣсь“ , подѣ заглавіемъ „Сквозь нашу призму“.

Время не ждетъ, годы и силы уходятъ,—издать *все амьстн* я желаю, и наконецъ, возможность это сдѣлать, по мѣсто жительства князя мнѣ неизвѣстно, и я надѣюсь, что онъ, по своему бывшему горячему мнѣ сочувствію, простить мнѣ это нарушеніе литературныхъ обычаевъ. (Извѣстно, что „передовыя“ и вообще не подписанныя *именемъ* статьи газеты суть собственность редакціи).

Если обстоятельства позволятъ, я издамъ и третій томъ, и въ него соберу всѣ напечатанныя отрывки изъ *воспоминаній* моихъ о многихъ мѣстностяхъ, гдѣ я жилъ и служилъ, о людяхъ, съ которыми встрѣчался, о личныхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ разные годы моей жизни.

Я думаю, что этотъ 3-й томъ можетъ послужить полезной „иллюстраціей“ для двухъ первыхъ.

Москва, 1885. Январь.

К. Леонтьевъ.

I.

ПАНСЛАВИЗМЪ И ГРЕКИ.

щаетъ Турцію панэленизмомъ; то въ Тульчѣ въ кофейняхъ драки между молодью, какой-то молодой Грекъ Каравиасъ оскорбляетъ Болгаръ; то изъ Серреса раздаются греческіе вопли, что богатые купеческія семьи, считавшіяся до сихъ поръ эллискими, переходятъ на болгарскую сторону, Греческое духовенство требуетъ, чтобы болгарское перемѣнило камплавки. Болгары негодуютъ, будто бы патріархъ хочетъ, чтобы Порта велѣла Болгарамъ носить камплавки *красныя*, для большаго позора. Въ одномъ македонскомъ городѣ умираетъ молодой Болгарскій учитель; въ народѣ проходитъ слухъ, что его отравили греки. Клеветъ, гнѣва, жалобъ пристрастныхъ,—съ обѣихъ сторонъ потоки! Однако, умъ безпристрастный, не подкупленный страстями борьбы, можетъ, мнѣ кажется, становясь попеременно и искренно то на мѣсто Болгаръ, то на мѣсто Грековъ, понять и тѣхъ и другихъ и, соглашавшись, конечно, что *Болгары несравненно правѣе* *), объяснить и даже извинить въ пѣкоторомъ смыслѣ отчаяніе Грековъ. Богатые населенныя страны ускользаютъ изъ рукъ ихъ племенъ, гордаго, энергическаго, умнаго и трудолюбиваго. Эллинизация Балканскаго полуострова—„великая идея“—становится невозможностью...

Пусть такъ, гнѣвъ на Болгаръ несправедливъ ни въ христіанскомъ, ни въ административномъ, ни въ этнографическомъ смыслѣ; но онъ пѣсколько понятенъ, и причины, возбуждающія его, ясны не только для самихъ Грековъ, но и для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Однако, на чемъ, скажите мнѣ, основанъ гнѣвъ эллинской, такъ называемой, интеллигенціи противъ Россіи?

Почему Русскіе должны быть во всемъ *за одно* съ Болгарамъ?

Быть можетъ, *полная солидарность* Русскихъ съ Болгарамъ не была бы выгодною ни тѣмъ, ни другимъ. Гдѣ доказательство, наконецъ, этой полной солидарности?

На чемъ основываютъ Греки свои опасенія? Что значить для нихъ слово „панславизмъ“?

„Панславизмъ“ значитъ для Грековъ ничто иное, какъ „государственное объединеніе всѣхъ Славянъ“ едва ли не прямо подъ Русскою державой.

Какія у нихъ доказательства тому, что правительство русское можетъ находить это выгоднымъ для себя и для Россіи, и, наконецъ, для всего славянства?

Почемъ они знаютъ, наконецъ, что думаютъ объ этомъ сами Болгары?

Болгары думаютъ совсѣмъ *не то*, они думаютъ совсѣмъ *иначе*. Болгары говорятъ себѣ такъ: „Обведемъ около нашей отсталой, бѣд-

*) Примѣч. автора. Я скоро убѣдился въ этой ошибкѣ моей. Она была очень грубая.

ной, по молодой и сильной духомъ, народности, волшебный кругъ неприкосновенности. Отпадемъ прежде всего отъ Грековъ; оградимъ себя *потомъ* отъ сербскихъ притязаній и отъ того что намъ покажется излишнимъ въ русскомъ вліяніи. Вотъ намъ что пужно. Что касается Турокъ, то они всѣхъ менѣе опасны. Иновѣрный и пнородный мусульманинъ можетъ вредить намъ менѣе, чѣмъ кто-либо. Онъ можетъ вредить лишь *вещественно*...

У Грековъ, у Турокъ, у многихъ Европейцевъ и даже у многихъ, Русскихъ, къ сожалѣнію, вопросъ славянскій является какимъ-то переводомъ нѣмецкаго вопроса на русскій языкъ.

Какая грубая ошибка!

Въ Германіи одна и та же нація прожила долгіе вѣка раздробленная на тридцать слишкомъ самобытныхъ государствъ и подъ властью своихъ національныхъ династій.

У Славянъ нашего времени, по крайней мѣрѣ, пять-шесть націй, изъ которыхъ большая часть не жили почти вовсе самобытною государственною жизнью, ибо у большинства этихъ отдѣльныхъ націй государственная жизнь была прервана въ началѣ развитія пноземнымъ завоеваніемъ.

У Нѣмцевъ—усталость отъ долгаго государственнаго сепаратизма.

У Славянъ—нетерпливое желаніе пожить скорѣе независимою государственною жизнью.

Нѣмцы—нація.

Славяне—племя, раздѣленное на отдѣльныя націи языкомъ, бытомъ, прошедшей исторіей и надеждами будущаго.

Нѣмцы могли соединиться въ одно союзное государство (Etat confédéré).

Славяне могутъ составить лишь союзъ отдѣльныхъ государствъ (Confédération d'Etats).

Этнографически нѣмецкое государство и нѣмецкую націю можно уподобить большой планетѣ, около которой есть только два одноплеменныхъ спутника германскаго племени, Голландія и Скандинавія.

Россія—планета со многими спутниками, похожими этнографически не на Баварію или Ганноверъ (Баварію или Ганноверъ можно было бы уподобить лишь отдѣльному Новгородскому или Малороссійскому царству), а на Голландію или Швецію. Разница, во-первыхъ, въ томъ, что, вмѣсто *двухъ* одноплеменныхъ націй, у Россіи есть: чешская нація, болгарская, сербская, словацкая, польская, пожалуй, пллпро-кroatская отдѣльно и т. д.; а во-вторыхъ, историческія условія сложились такъ, что Голландія и оба скандинавскія государства ждутъ и боятся завоеванія со стороны Германіи, опасаются *прекращенія своей государственности*; а большинство славянскихъ націй привыкло надѣяться на помощь Россіи, на *развитіе своей государственности*, при содѣйствіи Россіи.

Судорожная, вполне нѣмецкая, *сжатая* какъ стальная пружина, Пруссія Фридриха II, Блюхера и Бисмарка на просторную, пеструю и медленную Россію ничуть непохожа.

Для Пруссіи *выгодно* было завоевать и присоединить *отдѣльныя нѣмецкія* государства; для Россіи *завоеваніе* или вообще слишкомъ тѣсное присоединеніе другихъ Славянъ было бы роковымъ часомъ ея разложенія и государственной гибели. Если одна Польша, вдобавокъ раздѣленная на три части, стоила Россіи столько заботъ и крови, то что же бы произвели *пять-шесть* Польшъ?

Въ польскихъ дѣлахъ, до послѣдняго времени, ни Пруссія, ни даже Австрія, не могли быть *вполнѣ* свободны противъ насъ.

Въ случаѣ многихъ Польшъ, *ни съ кѣмъ не поддѣльныхъ*, весь міръ, и Европа, и Азія, будутъ намъ враждебны.

Потрудились ли Греки подумать обо всемъ этомъ?

Вы видите, я ничего не говорю о *сочувствіяхъ*, о *страданіяхъ* и т. п. Всѣ эти сердобольныя фразы ни къ чему не ведутъ. Откровенное обращеніе къ *интересамъ эгоистическимъ* вѣрнѣе. Если эгоизмъ государственнаго долга совпадаетъ съ преданіемъ, съ привычнымъ сочувствіемъ и т. п. вещами, очень высокими и важными (но не всегда *политическими*), тѣмъ лучше: тѣмъ больше можно вѣрять, такъ называемому, безкорыстію сильной державы.

Апенскіе краснобаи и мудрецы съ французскими бородками, и даже умные, опытные Фанариоты забыли еще вотъ что:

Россія знаетъ, что, кромѣ Чеховъ, Болгаръ и т. д., есть еще *Румыны, Магьяры и Греки*; она знаетъ, что двѣ первыя несплеменные ей націи самою природой вещей *вставлены*, такъ сказать, въ славянскую оправу, припущены быть инороднымъ островамъ въ этомъ славянскомъ морѣ и будутъ вынуждены раздѣлять его судьбы волей и неволей, то-есть тѣснѣе или свободнѣе применить, въ случаѣ распада Австріи и Турціи, къ тому союзугосударствъ, о которомъ я говорилъ выше.

Что касается Грековъ, то хотя ихъ географическое положеніе дѣлаетъ ихъ болѣе, такъ сказать, свободнымъ, чѣмъ Румыны и Магьяры по отношенію къ этому славянскому морю, но за то ихъ коммерческіе интересы, противоположные интересамъ Англіи, Италіи и Франціи на Востокъ и въ Средиземномъ морѣ, рано или поздно оттолкнуть ихъ собою отъ Запада и бросить ихъ тоже въ объятія славянства.

Континентальная мощь сосѣдняго славянства, его земледѣльческій характеръ и даже особенности его генія, болѣе мануфактурнаго, чѣмъ геній ново-греческій, будутъ необходимыми условіями для процвѣтанія такой въ высшей степени торговой и мореходной націи, какъ греческая. Греки неизбежно станутъ комиссіонерами Востока, и самъ Суэзскій каналъ будетъ въ ихъ рукахъ. Россія вполнѣ ли сознательно или ин-

стинктивно, но можетъ предчувствоватьъ еще и такія обстоятельства, при которыхъ именно *инородныя* племена: Греки, Молдо-Валахи, а, можетъ быть, даже и Мадыры, будутъ согласны съ нею, чѣмъ южные и западные Славяне.

Я, пишущій эти строки, нисколько не желаю паденія Турціи; напротивъ того, дальше я постараюсь доказать, что Турціи всѣмъ намъ нужна: Русскимъ, Болгарамъ и Грекамъ. Я думаю, что она, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ стать для насъ самымъ естественнымъ и вѣрнымъ союзникомъ.

Но когда уже говорится о панславизмѣ, страшномъ для грековъ, то необходимо предполагать не то, чтобы совершенное паденіе турецкаго племени, или не то, чтобы разрушеніе *всей* Турецкой имперіи,—все это вовсе не нужно для панславизма; я говорю, что, при разсужденіи о панславизмѣ, необходимо предполагать только одно: *удаленіе мусульманскаго правительства за Босфоръ, перенесеніе столицы ислама въ Бруссу, Багдадъ или Киръ*.

Ибо, пока столица султана въ Цареградѣ, пока онъ владѣетъ болгарскими и сербскими странами, Турки уже достаточно обезпечиваютъ Грековъ отъ всеславянскаго государства однимъ присутствіемъ своимъ по сю сторону Босфора.

Но, становясь на точку зрѣнія греческихъ опасеній, допустимъ, что Турки оставили европейскій берегъ, что Австрія тоже нѣтъ и что на развалинахъ двухъ сосѣднихъ державъ этихъ образовались царства: Чешское, Угро-Словацкое, Триедное Илирійское королевство, царства Сербское, Болгарское и Молдо-Валахское съ присоединенною Трансильваніей. Всѣ они между собою составили союзъ и вступили въ какую-либо особую политическую связь съ Россіей, связь,—которой характеръ и форму могутъ опредѣлить только неувольнимы теперь обстоятельства.

Смыслъ этого союза былъ бы, конечно, оборонительный противъ западной Европы, коммерческій, вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенный и т. п.

Союзъ этотъ можетъ быть весьма единодушенъ, если дѣло коснется притязаній со стороны или столкновеній съ интересами Запада; но можно ли ручаться, что онъ будетъ всегда единодушенъ въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ? У каждаго изъ этихъ государствъ будутъ свои особые интересы, въ которыхъ они могутъ расходиться какъ между собою, такъ въ особенностяхъ съ Россіей.

Если провинціи одного и того же государства имѣютъ очень часто противоположные интересы и вступаютъ другъ съ другомъ въ политическую, торговую или даже иногда и вооруженную борьбу (например, югъ и сѣверъ Америки, провинціи республиканской Франціи во времена террора и т. п.), то какъ же можно думать, чтобы всѣ эти славянскія племена, *которымъ, повторяю, такъ страстно еще хочется государственной самобытности и сепаратизма*, жили бы между

собою въ вѣчномъ индивидуальномъ согласіи? Связь между ними можетъ быть тѣсна лишь настолько нужно, чтобы Западъ *зналъ свое мѣсто*.

У Россіи будутъ всегда какія-нибудь частныя несогласія съ западно-или юго-славянскимъ міромъ.

Между прочимъ, важный вопросъ, могущій поселить несогласіе между славянами, съ одной стороны, и Русскою имперіей, — съ другой, есть вопросъ о *государственной формѣ Россіи*. Соприкасаясь безпрестанно въ тысячахъ мелкихъ ежедневныхъ интересахъ съ Россіей, Славяне не остались бы равнодушны къ той *государственной формѣ* въ которую вылилась политическая жизнь русскаго племени. Задача въ томъ: будетъ ли *имъ нравиться* эта форма?

Напримѣръ, насколько теперь мы знаемъ Славянъ и австрійскихъ и турецкихъ, они всѣ *конституціоналисты*.

Въ Россіи же много людей, которые находятъ *подражательный* конституціонализмъ своего рода предразсудкомъ.

Они находятъ, что конституціонализмъ естественъ и благотворенъ только въ Англіи, гдѣ онъ выработался не путемъ философствованія и подражанія, а, такъ сказать, *наивно* или эмпирически, ибо Англичане имѣли всѣ задатки его дальнѣйшаго существованія еще въ то время, когда они были такъ же просты и неразвѣты, какъ нынѣшніе Албанцы съ своимъ беямъ.

Скажемъ даже больше... Повторимъ здѣсь слова одной изъ не слишкомъ давнихъ замѣтокъ *Русскаго Вѣстника*: «Англіійскій король есть, въ сущности, монархъ самодержавный; никакая особа, писанная конституціи, никакая *современная charte* не ограничиваетъ его правъ; но ограниченіе его власти происходитъ путемъ обычая, общественнаго мнѣнія и вообще вслѣдствіе организаціи страны.»

Такого рода русскіе люди думаютъ, что *подражательный* конституціи Франціи, Испаніи и другихъ континентальныхъ странъ только испортили ихъ *естественную государственную форму* и повергли ихъ въ состояніе періодической анархіи... Но много ли такихъ людей между юго-западными Славянами?

Особенности ихъ исторіи сдѣлали для нихъ магическимъ слово „свобода“. А *магическій*, кажется, вовсе не значитъ *логическій*... И въ Россіи есть много людей, которые шепчутся о *дальнѣйшемъ развитіи* нашихъ учреждений. И въ печати слышишь постоянно: „Франція, въ которой распоряжался самовластный императоръ, не могла...“

Или: „Страны *свободныя*, подобныя Америкѣ или Англіи, могутъ всегда...“ и т. д.

Къ счастью, *особенности* русской исторіи сдѣлали то, что, въ настоящее время, такъ говорятъ и пишутъ большею частію только люди бездарные или поверхностные. Болѣе способные или практически опытные признаются, по крайней мѣрѣ, что для насъ это еще слишкомъ

рано. Основывался на этомъ *отлагательствѣ*, человѣкъ, который бы боялся для Россіи учрежденія *собранія законодательнаго* и *министерской ответственности*, можетъ не безъ основанія подняться на слѣдующую комбинацію:

„Всѣ эти искусственныя континентальныя конституціи, Богъ дастъ, успѣютъ скомпрометтировать себя окончательно въ глазахъ соціальной науки и общественнаго мнѣнія, къ той порѣ, когда мы, Русскіе, обильнымъ себя *созрѣвшими*...“

Тогда и поверхностныя практики, вѣчно едва поспѣвающие въспомнить на запятки за неудержимою колесницею идей, скажутъ про всѣ искусственныя конституціи то, что они давно уже стали говорить о столь славной, во время оно, французской централизациі и объ испанскихъ *отлазахъ*...

Неудержимое расширеніе Россіи въ Азіи,—расширеніе, которое не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, усиливается послѣ всякаго урона или разочарованія нашего на Западѣ,—также будетъ всегда требовать сильнаго сосредоточія *не жизни и быта, какъ во Франціи*, а лишь государственной, высшей политической власти...

У юго-западныхъ Славянъ иное положеніе.

Куда, *безъ насъ*, будутъ расширяться эти другіе Славяне?

А жить *съ нами*, подъ знаменемъ нашего давняго, послѣдовательнаго, многотруднаго, историческаго развитія, они, ничѣмъ предъ исторіей не обязанныя пародности, свободныя отъ высшихъ историческихъ задачъ, вѣроятно, не захотятъ...

При образованіи того оборонительнаго *союза государствъ*, о которомъ я выше говорилъ, непременно выработается у юго-западныхъ Славянъ такая мысль, что крайнее государственное всеславянство можетъ быть куплено только ослабленіемъ *Русскаго единаго государства*, причемъ племена, болѣе насъ молодыя, должны занять первенствующее мѣсто, не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жадности жить и властвовать, но и необычайно могучему положенію своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфоромъ.

Образованіе *одного сплошнаго и всеславянскаго государства* было бы началомъ паденія царства Русскаго. Сліяніе Славянъ въ одно государство было бы кануномъ разложенія Россіи. „Русское море“ пезякло бы отъ сліянія въ немъ „славянскихъ ручьевъ“.

Греки объ этомъ никогда не думаютъ...

Греки не думаютъ также и о томъ, что Россія чисто-славянскою державой никогда не была, что ея западныя и восточныя владѣнія, расширяя и обогащая ея культурный духъ и ея государственную жизнь, стѣсняли ея славизмъ разными путями, которые людямъ, знакомымъ съ русскою исторіей, извѣстны не дурно теперь и которые станутъ еще понятнѣе и извѣстнѣе по мѣрѣ большей разработки русской исторіи.

Греки вообще дурно понимают вопросы внутренней политики не только при сужденіи о столь мало знакомой имъ Россіи, но даже и объ Европѣ западной, которой языки, газеты и книги имъ ближе извѣстны. О страшныхъ социальныхъ вопросахъ они говорятъ вообще мелькомъ и небрежно. Все вниманіе ихъ устремлено на дѣла междуна-родныя. Это понятно въ ихъ положеніи. Однако, именно напѣ при-мѣръ можетъ служить лучше всякаго доказательства тому, что внѣш-няя политика державы опредѣляется неизбежно внутреннимъ устрой-ствомъ ея политическаго организма.

Пусть такъ, скажутъ мнѣ добросовѣстные Греки, мы сожалѣемъ, что всего этого мы не брали въ расчетъ, но, вѣдь, для насъ все равно, вы ли, или Сербо-Болгары будете преобладающимъ племенемъ во все-славянскомъ государствѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ, Эллинамъ, это сосѣдство опасно.

Поэтому-то, отвѣчаю я Грекамъ, старайтесь препятствовать пан-славизму сколько хотите, если вы его бонтесъ; но помогутъ вамъ въ этомъ дѣлѣ не нападки на Россію, которые ожесточаютъ противъ васъ общественное мнѣніе наше, какъ и вездѣ не слишкомъ дальновидное въ международныхъ дѣлахъ.

Повторяю вамъ, Россія не была и не будетъ чисто славянскою дер-жавой. Чисто славянское содержаніе слишкомъ бѣдно для ея всемір-наго духа. И если, становясь на точку зрѣнія вашего гнѣва и вашихъ опасеній, я допущу на минуту, что Турціи и Австріи уже пѣтъ, и что на мѣсто ихъ образовался тотъ союзъ государствъ, о коемъ я выше говорилъ, то необходимо будетъ придти къ слѣдующему результату.

Россія, при сношеніяхъ съ этою восточною федераціей независи-мыхъ государствъ, неизбежно будетъ во многомъ больше сходиться съ *инородными* племенами этого союза, съ Румынами и Греками, даже и Мадырами, чѣмъ съ юго-западными Славянами.

Россія будетъ естественнымъ защитникомъ этихъ слабѣйшихъ и от-части старѣйшихъ націй, противъ весьма возможныхъ посягательствъ со стороны Славянъ юго-западныхъ, жадныхъ, упорныхъ и властолю-бивыхъ, какъ всѣ долго, но неспуску подавленные молоды и грубыя народности.

Греки, умные Греки,—гдѣ вашъ умъ?

Вы незнакомы съ предметомъ, о которомъ тревожитесь; ваше не-вѣжество во всѣхъ вопросахъ, касавшихся славянской исторіи и устрой-ства Россійской Имперіи, лишило этотъ и быстрый и рѣзкій умъ вашъ всякихъ дѣльныхъ основъ сужденія.

И какія доказательства у васъ въ рукахъ, что Россія во всемъ со-чувствуетъ Болгарамъ? Писали у насъ и за нихъ и противъ нихъ, и за васъ и противъ васъ. Ихъ поступка 6-го января никто особенно не хвалилъ. Многіе находили только, что патриарху, во вниманіе къ ум-